

ПО ДРОВА

Вслед за осенью скучной, мокропогодной, на лихих метелях да вьюгах прикатила в деревню Конец белоснежная красавица зима.

Андрюха Кукуй с Иваном Деяновым да Лёхой Культиватором подрядились ехать по дрова Раиске с Того Угора, прозываемой в деревне Матросихой, прозванной потому так, что в молодые годы с ней погулял с месяц заезжий матрос да и уехал без вести.

Глаза у Матросихи разные были, один – чёрный, другой – зелёный. Наверное, зелёный и был дурным. А может быть, и чёрный. Только многие замечали, что если Матросиха недобро взглянет на тебя, жди какой-нибудь напасти.

С Матросихой срядились, а чтоб в лесу не замерзнуть, бутылку задатку выпили. Матросиха поупрямилась было, а дала. Правда, сказала, мол, смотрите, по дрова ездайте, и нехорошо так взглянула.

Тронулись лесовики в путь. Ещё деревней едут, Андрей Лёху в бок толкает: – Стой! Пойдём, – говорит, – к моей бабе. Скажем, что не Раиске Матросихе за дровами поехали, а нам. У ней в заначке есть, выставит.

Пошли к Андрею. И впрямь баба обрадовалась, бутылкой о стол стукнула. Выпили, крякнули, пошли трактор заводить. А Ваня Деянов и говорит:

– А что, мужики, у меня тоже дрова не вывезены. Не мешало бы и мою бабу расколоть на белоголовую.

Сказано – сделано. Пришлось заезжать ещё к Ваниной бабе, чтобы норму добрать.

Тоже дров посушили.

Выбрались наконец за деревню.

Лёха Андрюхе говорит:

– Я, парень, дороги не знаю, да и снег густо валит. Ты, Андрюха, мне дорогу-то сказывай.

– Я скажу, мать-перемать, – отвечает Андрей. – Я прямо скажу ...

Кукуем Андрея звали тоже не понапрасну. В молодые годы ему на гулянке гирькой от ходиков долбанули. С тех пор он, если больше пол-литра выпивает, теряет дар речи. Глазами смотрит, руками, ногами шевелит, а вот язык выговаривает только матюги да ещё два словосочетания: «Я скажу, такая мать...» и «Я прямо скажу...».

Так проехали они поскотину, вывернули на дорогу к сельнику, тарахтят вдоль берега реки. А снег так валом и валит, ни зги не видно. Скоро уже карьер будет, когда-то песок прямо из берега брали, нужно объезжать. Андрей заволновался, Лёху в бок тычет:

– Я скажу, мать-перемать, я прямо скажу ...

Лёха прямиком и прёт, только газу поддает «дэтэшке». Ваня Деянов носом в дровнях клюет. Убаюкало, засыпало.

– Андрей, – тревожит Лёха, – дорогу сказывай!

– Я скажу, – горячится Андрей. – Я прямо скажу, я скажу, мать-перемать, тут, тут...

Тут трактор в карьер нырнул. Благо песок уже осыпался, полого было да снежно.

Андрей лбом в стекло ударился.

– Я прямо, – говорит, – скажу: тут – яма!

А Лёха что? Лёха за рычагами не шелохнулся. Лёха спокоен, как телеграфный столб. Не зря его Культиватором с малолетства дразнили.

– Андрей! Едем куда? – И газу жмёт.

– Я прямо скажу...

А тут дровни на обрыв выскочили и только до середины его дошли, как катапульти Ваню Деянова выкинуло.

Но не зря Деянов служил в десантных войсках, за что и дразнили его Парашютом.

Упал посреди реки в глубокий снег, как сидел, так и сидит, даже не проснулся.

Андрюха с Лёхой дальше шпарят через реку к лесу.

– Я прямо скажу, – кукует Кукуй. И дальше – всё непечатное. Вскоре трактор исчез за пеленой снега, и треск его тоже стих. Пропали, будто в чёрную дыру провалились наши лесовики.

А Деянов тем временем проснулся, отряхнул с себя снег и стал с удивлением оглядываться кругом:

– Чего это я? – говорил он сам себе с недоумением. – Вроде бы на реку не собирался. А если и собирался, то где санки, мешок, пешня?

Но ни того, ни другого, ни третьего в наличии не значилось.

– А-а, пустая башка, – наконец догадался Деянов. – Сани с пешнёй я всяко у Раиски Матросихи оставил, когда у неё выпивал.

– Али это было лонись, – почесал он затылок под шапкой. – Али до лоньского, али намедни? – Но так и не решив, когда же он был у Матросихи, Иван пошёл разгрести снег и проверить сети. Благо лунки не застыли и верёвка оказалась на месте.

Рыбы неожиданно попало изрядно. Три щуки, налим, пара лещей, пяток бершей и судак. Деянов скинул фуфайку, оклал в неё рыбу и, перекинув через плечо ношу, побрёл в целик к деревне.

– Ишь, – говорил он воображаемому обвинителю, – бают, что у Парашюта вся рыба в сетках пропита. А вот Матросихе долг отдам, бабе на пирог оставлю да ещё на две пол-литры в магазин сдать хватит.

Дом Матросихи был крайним к реке, и скоро Деянов торкался в её ворота.

– Что больно скоро? – откликнулась Раиска.

– В самый раз, отворяй живее! – Деянов скинул ношу на крыльце. – Выбирай, какую хошь. Хошь берша, хошь леща!

– Эка! – удивилась Раиска – А мужики-ти где? А трактор, а дрова?

– Я те про Фому, а ты про Ерёму. Долг вон принес, на реку бегал. Сама на рыбник просила.

Раиска охнула.

Тут что-то щёлкнуло в голове Деянова. Отрывочно всплывали кое-какие детали.

Андрей, Лёха, сборы по дрова. Однако куда всё это делось? Он вроде бы и в дровнях сидел... Тогда при чём тут река, рыба?

Он бросил Матросихе несколько рыбин и снова, вскинув на плечо фуфайку, в полной задумчивости пошёл к магазину.

«Ну, и злобная эта бабёнка, Матросиха, – думал он про себя. – Не зря говорят, что глаз у неё дурной. Поди, теперь разберись, чего было, чего не было. Всё перепутала, окаянная. От ейного сглазу один рецепт – стакан».

...Андрей с Лёхой тем временем катили лесом. Снег всё падал и падал. Они уже объездили, Бог знает, сколько лесных дорог и вырубок, но ни Андрюхиных, ни Алёхиных, ни Матросихиных дров не нашли. Или их засыпало снегом, или кто-то ошибочно увёз. Уже вечерело, когда наткнулись на порядочную гору осиновых и ольховых хлыстов. Лёха подогнал впритык сани и только тут заметил отсутствие Парашюта.

– Сбежал! – заругался он. – Слышь, Андрей. Деянов дезертировал.

– Я прямо скажу, – ответил Андрей осуждающе.

Они вдвоём перекидали дрова на воз, забили стояки и, довольные, тронулись дальше. Уже смеркалось, когда засветились огни деревни. Андрей к тому времени малость протрезвел и толкнул Лёху в бок:

– Куда приехали? Вроде как не наша деревня?

– Протри глаза! – крикнул Лёха. – Вон овин, вон Раиски Матросихи дом. Не с той стороны въехали, вот тебе и блазнит.

Андрей, хоть и сомневался, всё же решил с Лёхой не спорить. Уж больно хотелось домой, «колосники» горели, не мешало бы закинуть на них стакан-другой.

Они поставили у Раискина дома трактор и в предвкушении горячих щей и запотелой пол-литровки споро выгрузили дрова.

– Парашют нам теперь не товарищ, – сказал Лёха.

– Я прямо скажу, – поддержал Андрей, – брянский гусь ему теперь товарищ.

Раиска не появлялась. Да и огни в доме не зажигались. Они постукались в ворота – тишина, постучали сильнее. Тут из соседнего дома выглянул незнакомый мужик.

– Чего ломитесь? – спросил он строго.

– Дрова привезли – чего... – недовольно отвечал Лёха. – А ты кто такой, командир?

– Живу тут, – отвечал мужик. – А в том доме, куда ломитесь, года три уж никто не живёт.

Мужики не поверили:

– А Матросиха где?

– Матросиха, всяко, в деревне Конец живёт. Бывал я там лет пять тому.

– А мы тогда где? – заикаясь спросил Андрей.

– В Ульяновке, – усмехнулся мужик.

Тут наши заготовители остолбенели. Это они километров на двадцать усвистали от дома.

– Вы лучше скажите, откуда дрова везёте? – спросил мужик, приглядываясь к штабелю.

– А шут его теперь разберёт. Вроде недалеко грузили, – отвечал нехотя Лёха.

– Вот и я гляжу, – оживился мужик. – По зарубкам мои дрова-то. Ну, коль привезли – спасибо – прошу в избу. Подмогли.

Андрюха мгновенно повеселел.

– Слышь, Лёха, вот свезло! Щец топерь в самый раз под стопарик. А? Лёха молчал.

– Слышь, идём в избу-то? – подталкивал его Андрей.

– Молчи, пустая твоя башка. Думай, чего говоришь! Ославят топерь на всю округу. В избу не пойдём. Проси у мужика литру за дрова – и домой!

Андрюха ушёл к мужику в закоулок на переговоры, Лёха – к трактору запускать движок. И он тоже, как и Деянов, нехорошо подумал о Раиске.

– Ишь, накружали, – сказал он сам себе. – С чего бы это? Тут вприпрыжку выскочил из калитки Андрюха Кукуй, обеими руками держа перед собой кулёк с горячей картошкой и огурцами. Из карманов его фуфайки торчали белоголовые.

– Топерь, парень, мы с тобой правики. Токо бы нам ишшо по дороге дрова найти! Топерь нам с тобой, Лёха, нам чёрт не брат!

– Дурак ты, Андрюха, – с суеверным страхом откликнулся вдруг Лёха, – ты почто его, рогатого, в такую пору поминаешь!

Но вот на всю сумерничавшую деревню заверещал пускач Лёхиной «дэтэшки». Наши горе-путешественники прыгнули в кабину, и трактор, шаря по деревне длинной рукой прожектора, выскочил за околицу.

...Дезертир и предатель, друг брянского гуся Иван Деянов, он же Парашют успешно поменял в магазине рыбу на вино и отправился было домой лечиться от Раискиного сглаза. Но нехорошие предчувствия на предстоящую встречу с женой подтолкнули его отсрочить явку.

Внимание привлекла колхозная баня. С утра её кто-то топил, но не мылся. Баня была большая, с широким полком, огромной, на треть помещения каменкой, топилась по-чёрному, и жар её был лучшим целителем, чем весь персонал районной больницы.

Иван замахнул в предбаннике стакан, закусил сельповским пряником и, скинув под лавку одежду, полез в жаркую истому бани. Он бросил на каменку ковш воды, каменка ахнула, и Деянов мигом очутился на широком полке. Доски были в копоти, но Иван этого не замечал. Через минуту он сладко спал, и пот градом катился по его бокам.

...Было уже темно. Раиска Матросиха, устав ждать трактор с дровами, собрала бельё и отправилась в натопленную с утра баню, захватив огарок свечи. Она хорошенько разогрелась, намылась до розовости молодухи и только собралась было окатиться, как в тёмном углу полка что-то зашевелилось и страшно захрапело.

Раиска обмерла: «Баннушко пужает али блазнит!»

Но с полка, кряхтя и чертыхаясь, лезло уже что-то невообразимо большое, чёрное, имевшее при себе, как всё же это Раиска успела заметить, мужское достоинство.

В тот же миг она вышибла банную дверь и, похватав в охапку одежду, ринулась в голом виде вдоль улицы домой.

...Сглаз у Деянова прошёл к утру. Он вспомнил всё: как собирались в лес, где и сколько пили, как выехали за поскотину. Страшная догадка обожгла сердце Ивана. Не заходя домой, он схватил в приделке лыжи и во весь дух покатил к реке – искать промоину во льду, куда, по его мнению, провалились вместе с трактором мужики.

Снегопад закончился. Поднималось солнце, и с обрыва Иван разглядел уже занесённые снегом, но хорошо видимые под солнцем тракторные следы, уходившие на другом берегу в лес.

Деянов бросился по ним, радуясь избавлению от одной беды и гася в душе недоброе предчувствие новой.

К вечеру, чуть живой от усталости, пробежав, наверное, километров полста Парашют вернулся в деревню. Следы Лёхиного трактора кончились под городом на бетонке.

Дома у Деянова восседала Матросиха с таким гордым видом, словно она отказала сейчас десятку сватов, и пила с Ивановой бабой чай.

– Явился, – без злобы, но с издёвкой сказала баба,– извращенец. Надо догадаться: за Раиской Матросихой в байню подглядывать залез. Ну, и чего там тебе неизвестного нагядел?

Матросиха по-королевски швыркала чай из блюдца, не достаивая Деянова и взглядом.

– Да пошли вы! – тускло возразил Иван.

– Чего пошли, куда пошли? Я твои подштанники опознала. Раиска вон к магазину их принесла, как доказательство. Я вот тебе сейчас как дам коромыслом, так полетишь у меня парашютом,– запричитала жена.

Не слушая её, Иван обречённо сел на лавку и стал стягивать валенки. «Пропали, пропали товарищи мои дорогие!» Но тут возле его дома затрещал движок. Деянов выглянул в окно и радостно остолбенел. У его крыльца стоял знакомый трактор, гружённый дровами.

Двери кабинки открылись, и в проёме показался Лёха Культиватор.

– Ванька! – закричал, перекрывая шум мотора, Культиватор. – Парашют окаянный! – Кто за тебя дрова разгружать будет.

Деянов облегчённо выдохнул. И тут же об одном валенке с другим в руке поскакал на улицу.